

Оленева Т. Б.

БЛАЖЕННЫЙ, ДУХ, ГОРДОСТЬ, ГОРДЫНЯ: ЛИНГВИСТИКА И ТЕОЛОГИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 106-109. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

sont sur le chemin de la foi»). Предпоследняя запись содержит цитату из книги Генри Миллера «Время убийц» о Рембо и Ван Гог: «Они жили, как пугала на плодородных полях нашей культуры». Публикатор Записных книжек В. Ценова приводит оригинал этой фразы: “They lived like scarecrows, amidst the abundant riches of our cultural world”.

Добавим, что Эдисон Денисов был очень чуток к фонетической стороне перевода: «Пушкина нельзя переводить, т.к. у него везде - единственно возможное звуковое решение (как у Моцарта). При любой замене синонима, при любом *другом* звучании теряется все. Поэтому он непонятен иностранцам (как им недоступен и непонятен и мой Пушкинский цикл» [Денисов, 1997, с. 96].

Но вернемся к книге бесед композитора с французским журналистом, с которой мы начали, и прочитаем небольшой отрывок из того, что говорилось им по-французски полтора десятилетия назад:

Эдисон Денисов: Теперь в нашей стране слишком много неопределенного, непредвиденного, особенно из-за этого разрыва государства с бывшими республиками. Не знаю, сумеют ли те, кто воодушевлен лучшими намерениями, как члены правительства Ельцина, которым многое удалось, найти решение проблем, терзающих поголовно всех в нашей стране.

Трудно за короткий срок осуществить очищение системы, потому что система прогнила во всех областях. Если мы возьмем ту структуру, которую я знаю лучше всего - Союз композиторов, то очевидно, что руководители, возглавляющие его десятки лет, никуда не годятся. Значит, нужно его очищать. В Союзе композиторов числится много людей, не имеющих к музыке никакого отношения, ибо это политические игры мафии - создать некую инертную массу, уповающую только на мафию, и мафия её постоянно поддерживает.

Не уверен, что возможно произвести радикальные изменения в Союзе композиторов.

Сама по себе структура не столь плоха, но всё зависит от того, кто ею руководит.

Ж.-П. Арманго: Так проблема в человеке?

Э.Д.: Да, потому что любой руководитель собирает вокруг себя команду, а нынешние команды в различных союзах скверные...

Ж.-П.А.: Если бы условия улучшились, стали более демократичными, ты был бы заинтересован занять ответственный пост в обновленной организации?

Э.Д.: Думаю, просто необходимо, чтобы люди, считавшиеся маргиналами, пришли теперь к власти - очистить систему. Самая большая ошибка политиков в нашей стране, в частности Горбачева, - нежелание изменить всё на 100%.

...Люди не теряют власть, они просто меняют должность!*

Вероятно, этот фрагмент беседы прольет свет на экстраординарное событие 1990 г., когда Э. В. Денисова неожиданно избрали одним из семи секретарей нового рабочего органа Союза композиторов. Тогда это казалось чем-то почти ирреальным: ведь именно Союз композиторов боролся с ним все предыдущие годы! Так жизнь дала ответ на ситуацию, теоретически неоднократно смоделированную в беседах по-французски - они записывались на протяжении многих лет. В интервью газете «Советская культура» (февраль 1990 г.) Э. Денисов уже по-русски повторил то, о чем много раз говорил с Арманго за годы их дружбы: «Мне показалось, что войдя в руководство СК, я получу больше возможностей делать что-то хорошее, помогать тем, кто является гордостью нашей музыки, кого все эти годы не издавали и не записывали, не включали в официальные концерты».

Итак, справедливость восторжествовала, и можно бы поставить точку, но... книга целиком на русский язык так и не переведена.

Сам Эдисон Денисов подчеркивал: «Я - не советский, я - р у с с к и й композитор» [Денисов, 1997, с. 85].

...Так существует ли сегодня проблема перевода с «советского» на русский?

Список использованной литературы

1. **Неизвестный Денисов: из Записных книжек.** М.: Композитор, 1997.
2. **Холопов Ю., Ценова В.** Эдисон Денисов. М.: Композитор, 1993.
3. **Armengaud J.-P.** Entretiens avec Denisov. Un compositeur sous le regime sovietique. Paris: Plume, 1993.

БЛАЖЕННЫЙ, ДУХ, ГОРДОСТЬ, ГОРДЫНЯ: ЛИНГВИСТИКА И ТЕОЛОГИЯ

Оленева Т. Б.

Марийский государственный университет

Старославянский корень «благ» в лексеме «блаженный» своими конями уходит в общеславянское языковое единство, где вероятная его праформа выглядела так: * *bolg* ≈ и толковалась как *добро, доброе дело, добрая вещь* [ЭССЯ, 1974, с. 173]. Несмотря на «прозрачность» происхождения ее дальнейшая «жизнь» сложилась довольно причудливо. Так, Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. [СДРЯ, 1975, с. 223] отмечает, что слово было употреблено 1310 раз в памятниках письменности указанного периода в значении

*Jean-Pierre Armengaud. Entretiens avec Denisov. Un compositeur sous le regime sovietique. Paris, 1993. P. 99-102.

А отточие в последней фразе означает, что и переводчик предпочел пропустить абзац с двумя известными именами (Е. О.).

счастливый. Например, в «Изборнике» 1076 г. находим: «*Жены до(бр)ы бл҃жнь ІЕсть м҃Жжь ІЕІа (181)...*», где *блаженъ*, то есть *счастлив*. Далее словарь расширяет первое значение слова, добавляя к нему следующие: *достойный прославления, почитания (выделено нами)*.

Второе значение слова - *святый*. Толковый словарь церковно-славянского и русского языка 1847 г. сообщает, что эта лексема - церковнославянизм, снабжая ее следующими пояснениями: *благодарный, счастливый* [ТСЦРЯ, 1847, с. 60]. Словарь русского языка XI-XVII вв. приводит уже пять значений: 1. *Благословенный, достойный почитания, восхваления*; 2. *Благодарный, счастливый, испытывающий блаженство*; 3. *Праведный, святый*; 4. *В значении суц.*; 5. *Относящийся к благополучию, блаженству* [СРЯ, 1975, с. 232]. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой говорится: *блаженный - это в высшей степени счастливый*; а также (разг.) - *глуповатый, чудаковатый (первоначально (!) [выделено нами] юридический* [СРЯ, 1981, с. 96].

По мнению А. Г. Преображенского, «... *блаженный* - «глупенький», *блажь* - «глупость», «каприз». *Блажить* - «капризничать», *блажной* - «своенравный» развились на русской почве из *блаженный*, употребляющийся в качестве эпитета юридических; здесь надо искать разгадки, каким образом с этим словом связалось значение *глупенький, дурачок, чудаки*» [Преображенский, 1959, с. 65-66].

По своему происхождению лексема *блаженный* - страдательное причастие от глагола *блажити* «восхвалять, почитать». В свою очередь, *благо* появилось морфолого-синтаксическим путем из словоформы *хорошо*, именного прилагательного среднего рода.

Такая подробная этимологическая справка понадобилась нам для того, чтобы прокомментировать своеобразное употребление лексемы «блаженный» в первой главе одного из самых древних памятников письменности «Изборнике» 1076 г. «Слово *нѣкоіЕго <калоу>гера • о чѣ<-----> <к>нигѣ*» [«Слово некоего калугера о чтении святых книг»]. Она открывается словами: «Добро ІЕсть братІЕ поч<ІЕт>ан<ь>ІЕ книжнѣ<ь>оІЕ : паче въсАкомоу хрьстьІан<оу>• > *блаж<ен>и* бо р<ече> : испытующиѣ съвѣдѣ<ниІа ІЕ> го...».

Далее автор императивно заявляет: «ІЕгда чѣтеши книги • *не тѣшти сА бързо* и шитисти до доругыІа главизны • нѣ поразумѣи чѣто глутѣ книги и словеса та • и тришьды обрашАІа сА о ІЕдинои главизнѣ» (Угловые скобки обозначают, что слово не поддается прочтению, а только с помощью фотоанализа).

Итак, первое, что бросается в глаза «пытливому» читателю - это орфография словоформы «*почЕтанье*». У И. И. Срезневского находим: «ПОЧЕТАНИЕ - вм. ПОЧИТАНИЕ: - *добро ІЕсть, бтатиІЕ, почІЕтан(и) книжнѣоІЕ. Сбор. 1076 г. 1.*» [СДРЯ, 1989, с. 1324-1325]. Далее на странице 1326: «ПОЧИТАНИЕ - чтение». Следовательно, по-Срезневскому, «почитание и почетание» - суть одно и то же.

Наше же собственное изучение текста в целом (см.: Т. Б. Оленева. Новое прочтение классических древнерусских текстов XI-XIII вв. Йошкар-Ола, 2004. 336 с.) позволило нам увидеть в «разнонаписаниях» разные значения: ПОЧИТАТЬ, то есть заняться *чИткой*, и тогда лексема корреспондируется со словоформой *блаженный* в значении *глупенький, дурачок, чудаки*, находящийся в *блаженном неведении*. Для такого главного - отчет о прочитанном. А «*почЕтанье книжное*» - особый процесс контакта с письменным источником (в данном случае - со «Святыми книгами»), иными словами - занятие для *избранных, счастливых*, которые хотят постигнуть смысл прочитанного, но при этом должны «*тришьды обрашАІа о ІЕдинои главизнѣ*». (В скобках заметим, что наличие чередования гласных И//Е в *однокоренных по происхождению словах* [«почЕтанье» и «почитанье»] восходит к количественно-качественным чередованиям первого ряда, когда потеря долготы или краткости у гласных приводила к появлению нового качества).

Словосочетание «*не тѣшти сА бързо*» («не тащись быстро») сопровождается явной оксюморонной коннотацией. Видимо, автор в данном случае иронизирует, над теми читателями, для которых главное, хвастаясь, сказать: «Испытайте!» Но подобный способ чтения не дает возможности проникнуть глубоко в смысл прочитанного.

Какое из перечисленных выше значений имел в виду создатель «Изборника»? А, может быть, оба, так как текст памятника, как никакой иной, «поновлен» даже в тех случаях, которые этого вмешательства и не требовалось.

В итоге получаем авторскую сентенцию: не будь *блаженным*, то есть *глупым*, принимающим все на веру, не пребывая в состоянии *блаженного неведения*! Но, читая, думай! Не прекраснодушествуй, считая, что, если ты христианин, то при чтении «Святых книг», имеешь право не задумываться над их смыслом, а принимать все так, как ты «уразумел» в процессе первого, а не третьего прочтения. Это заключение вступает в конфликт с этикой христианской морали, следуя которой добрый христианин не должен *высокомудрствовать*, а верить в то, что написано в «Святых книгах». И это не единственный факт в тексте памятника своеобразной ревизии христианской манеры поведения. Так, создатель текста называет Бога «*добрым хитрецом*» (!) (с. 264), упоминая при этом слово «БОГ» более 260 раз, а Иисус - 5 раз, Христос - около 70 раз: «...и юдина племени по плѣти Христѣ родисА ...<боу> же слава» (227 об.).

Не углубляясь в суть *данной* информации, *о вышеприведенной*, заметим, что, возможно, это первый случай в древнерусской письменности, когда произошло расширение значения слова «блаженный» за счет своеобразного «обрусения» его смысла.

Теперь обратимся к экстралингвистике, а именно - к основным положениям христианской этики, изложенным в Заповедях *Блаженств*, первая из которых гласит: «*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное*». По мнению В. Терлецкого, смысл ее таков: «Нищий духом - тот, кто не прилепляется

сердцем к земным благам, не считает их своими, но исповедует, что все - Божие и от Бога. Нищий духом не **высокомудрствует**, но, чувствуя собственную немощь и слабость, любое свое доброе дело приписывает действию Божией благодати... Нищие духом, то есть нестяжатели и **смирennemудрые**» [Терлецкий, 1881, с. 162]. Как бы продолжая, епископ Варсонофий говорит: «Над стяжением этой добродетели всем необходимо долго и упорно трудиться; так как **гордые** не будут наследниками Царства Небесного... надо заранее свою **гордость**, **высокоумие**... изжить из своего сердца... **Смиренный** человек свое мнение вменяет ни во что, ...поэтому от **смирения** все добродетели человека» [Варсонофий, 1998, с. 184-185].

Не все в такой позиции может понять и принять современный человек. Может ли почитаться добродетелью нищета духовная или отсутствие гордости? Ведь это противоречит опыту повседневной жизни и тем идеалам, которые прививаются нам современной культурой.

Обратимся к словам Кирилла, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, который, будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, писал в «Слове пастыря»: «Не всякий **дух содействует** человека духовным, а тем более счастливым ... Что станет с человеком, в котором возобладает **дух диавольский**? Обретет ли он **блаженство**, будет ли он счастливым?... К счастью, к полноте жизни человека может привести только **Дух Божий**. ... А если вместо него воцарится собственное «Я», такое состояние именуется **гордыней**, а обратное **гордыне** - **смирением**, или **нищетою духовной**... Но... «**смирение** - это не убогость, забитость, никчемность, слабость! **Смирение** порождается великой внутренней силою.... Итак, «Нищета духовная и смирение... - великая сила. Это победа человека над самим собой, над демоном эгоизма и всесилием страстей» [Митрополит Кирилл, 2005, с. 126-127].

Таким образом, если, учитывая все выше сказанное, сделать «подстрочный перевод» первой Заповеди Блаженств, то выглядеть это будет, вероятнее всего, так: «Счастливы те, в ком мало или вовсе отсутствует **нечистый, злой, демонский дух**, тогда им принадлежит Царствие Небесное!».

Но ведь *данное* пояснение необходимо *дать*, чтобы понять суть первой Заповеди, так как современное миропонимание «нищеты духа» - вовсе не благо. В чем причина такого семантического расхождения? Сместем предположить: либо она кроется в нечеткости, несовершенстве первопереводов Святого Писания, либо в недостаточном владении современным человеком тонкостей православной языковой культуры, либо и то и другое вместе взятое. Хотя в Толковом словаре 1847 г. пятнадцатое значение лексемы *дух* содержит именно такую информацию: «...**Нечистый дух. Злой дух. Демонский дух. Церк. Бѣсъ, діаволь, демонъ**» [ТСЦСРЯ, 1847, с. 379]. Получается, если бы первая Заповедь Блаженств начиналась словами: «Блаженны нищие **демонским, нечистым, злым** духом....», тогда и не требовалось бы никаких разъяснений. Все всем было бы ясно.

Весьма похожее явление наблюдается, например, в том, как функционирует в «Святых книгах» упомянутая выше лексема «гордость», в сравнении с современным ее употреблением, соответствующим семантике «гордыня». Ср.: «**Гордость**, по словам святого Иоанна Златоуста», - есть начало *греха*. С нее начинается всякий грех и в ней находит свою опору». «Бог **гордым** противится, а смиренным дает *благодать*» (1 Пет. 5.5.).

Обратимся к словарям. У И. И. Срезневского находим: «**Гърдость** = *гордость* = *грьдость* - гордость, хвастливость». Далее - там же: «**Гърдыни** = *гордыни* = *грьдыни* - гордость» [Срезневский, 1989, с. 613-614]. Аналогично - в Толковом словаре 1847 г.: «**Гордость** - надменность, высокомерие»; «**Гордыни** - то же, что гордость» [ТСЦСРЯ, 1847, с. 278]. И только современные словари дифференцируют значения выше приведенных лексем: «**Гордость** - 1. Чувство собственного достоинства; 2. Чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов». А вот третье значение корреспондируется с устаревшим - «Чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим, заносчивость, высокомерие». Там же - «**Гордыня** (уст.) - непомерная гордость [СРЯ, 1981, с. 332]. «Гордость = гордыня», а вместе они - антонимы «смирения», и уже поэтому, с точки зрения православной морали, - греховны.

В итоге - *гордость* и *гордыня*, ранее абсолютные синонимы, разошлись практически во всех значениях. Но это обстоятельство не всем известно, поэтому нуждается в пояснениях либо посредством словарных статей в издающихся ныне словарях, либо сноска в теологических изданиях, либо при составлении словариков, приводимых в конце «Святых книг» и т.п., а с учетом современной языковой ситуации, когда изменились их семантические поля, заменить на адекватные лексемы с учетом корректировки значений.

Какие же выводы мы можем сделать из всего выше сказанного?

1. Исторические, этимологические и иного рода словари «толкуют» лексему «блаженный» и производные от нее с позиций сугубо *лингвистических*.

2. При этом как бы «за кадром» остается семантическое поле, связанное с концепцией первой Заповеди Блаженств, которое так и остается вне понимания современного человека, интересующегося вопросами православной религии, но ограниченного в выборе справочной литературы.

3. Слово *блаженный* в значении «глупый», «*поверхностный*», вероятнее всего, **впервые** употреблено в «Изборнике» 1076 г.: такой читатель просто **ПОЧИТЫВАЕТ** Святые книги с одной только - *отчищаться*.

4. **ПОЧЕТАНИЕ** же *книжное* делает его истинно *блаженным*, то есть *счастливым, мудрым*, в теологическом смысле - *смиренным*, таким, который глубоко постигает смысл *прочтенного*.

5. Современная лексикография с учетом сложившейся языковой ситуации, то есть теснейшего сотрудничества государства с Православной Церковью, должна учитывать при составлении словарных статей у вышеприведенных и подобного рода слов произошедшие с течением времени семантические сдвиги в их лексических значениях.

Список использованной литературы

1. Варсонофий, епископ Саранский и Мордовский. Размышление о вере и жизни по Божьим Заповедям. Саранск, 1998.
2. Изборник 1076 года. М., 1965.
3. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Слово пастыря. М., 2005.
4. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 1.
5. Словарь русского языка XI-XIV вв. (СДРЯ). М., 1975. Вып. 1.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. (СРЯ). М., 1975. Вып. 1.
7. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1.
8. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1988. Т. 1.
9. Терлецкий В. Изложение православно-христианского учения о вере и нравственности в вопросах и ответах. Житомир, 1881.
10. Толковый словарь церковно-славянского и русского языка (ТСЦСРЯ). СПб., 1847. Т. 1.
11. Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ) / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Праславянский лексический фонд, 1974. Т. 1.

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ДИСКУРСОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. БАРТА

Олизько Н. С.

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Классическое изобразительное искусство существует в рамках музея, что диктует особый тип восприятия: «с одной стороны, зритель находится в эстетическом пространстве, ограничивающем тактильный контакт с артефактами, с другой стороны, зритель контролирует время восприятия и обладает свободой передвижения» [Сидорова, 2006, с. 21]. В XX веке семиотические закономерности, действовавшие в системе визуальных искусств предшествующего периода, изменяются, что диктует новый режим восприятия, в условиях которого «пребывающий в движении зритель наблюдает за движущимися образами, разрушая традиционную ситуацию музейной репрезентации» [Сидорова, 2006, с. 22]. В результате складывается новое представление о произведении изобразительного искусства как о дискретном тексте: фрагментарность не просто входит в эстетический канон (что было характерно уже для романтизма), но становится обязательным требованием создания произведения визуального искусства.

В рамках художественного дискурса, представляющего собой развернутый, предельно насыщенный смыслами диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и структуры текста, выводящей произведение в безграничное пространство семиосферы (под семиосферой понимается совокупность всех знаковых систем, используемых человеком, включая как текст, язык, так и культуру в целом), наиболее концептуальная семиотическая классификация моделей интермедиальной техники литературы и визуальных искусств (основанная на литературе русского авангарда начала XX века) принадлежит А. Ханзен-Лёве. Репертуар приемов интермедиальной техники ученый строит на основе семиотической триады Ч. С. Пирса «символ - икона (копия) - индекс». Соответственно, в работе А. Ханзен-Лёве разграничиваются следующие типы корреляции вербальных и визуальных знаков (текстов): во-первых, транспозиция фабулы вербального текста в «нарративный» изобразительный текст (знак-символ с авторефлексивной, автореферентной функцией). Во-вторых, трансфигурация «пространственной семантики» вербального текста на основе семантического контраста или параллелизма (каламбур, игра слов, омонимия, синонимия, паронимия, анаграмматика) в визуальный текст, в результате чего образуется тонический знак с референтной функцией (предметный знак) или авторефлексивной функцией (метаметазнак). В-третьих, проекция концептуальных моделей визуальных искусств (монтаж, пространственная перспектива, беспредметность), которые в словесном тексте получают свойства знака-индекса с авторефлексивной, автореферентной функцией (метаметазнак) [Ханзен-Лёве, 2003]. Техника интермедиальной связи, предложенная А. Ханзен-Лёве, соотносится с технической классификацией Ганса Лунда, который разделяет «комбинацию - сочетание визуального и словесного в «составных» произведениях типа эмблем или авангардных спектаклей; интеграцию - визуализацию формы словесных произведений (барочные стихи); трансформацию - словесное переложение произведения визуальных искусств» [Цит. по: Геллер, 2002, с. 6].

Изучая возможность адекватного перевода с визуального «языка» на вербальный, Ю. М. Лотман отмечает, что «переключение из одной системы семиотического сознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер» [Лотман, 2000, с. 66]. В рамках лингвосинергетического подхода взаимодействие художественного и изобразительного дискурсов составляет точку бифуркации в организации художественного произведения. Интермедиальность как принцип дешифровки, помогающий извлечь закодированную информацию, становится основой открытой неравновесной системы смысла, упорядоченность которой возникает и поддерживается благодаря постоянному притоку «энергии» из семиосферы. Результатом динамичного взаимодействия дискурсов является самоподобие структуры художественного произведения, поддающееся объяснению посредством понятия фрактала как объекта нели-